

УДК 908

Е. А. Зверков

E. A. Zverkov

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КАК ФОРМА ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ (на материалах Центрального Черноземья)

COLLECTIVIZATION AS A FORM OF CRIME PROVOCATION (based on the materials of the Central Chernozem Region)

Ключевые слова: коллективизация, РСФСР, Центральное Черноземье, Воронеж, преступления против жизни и здоровья, правоохранительные органы.

Советская бытовая преступность межвоенного периода носила характер синусоидных колебаний, испытавших на себе влияние политических кампаний. Начатая в 1928 г. коллективизация сельского хозяйства спровоцировала новую волну преступности, представлявшей собой протест против неприемлемых для части населения мероприятий Советской власти. Объектами насилия являлись партийные и общественные работники. Субъектами преступлений выступали не только «кулаки», но и подвергшиеся преследованиям «средняки». Основной мотив совершения преступлений — личная месть.

Key words: collectivization, the RSFSR, the Central Chernozem Region, Voronezh, crimes against life and health, law enforcement agencies.

The Soviet domestic crime of the interwar period had the character of sinusoidal oscillations, which were influenced by political campaigns. The collectivization of agriculture, which began in 1928, provoked a new wave of crime, which was a protest of part of the population against the unacceptable measures of the Soviet power. The objects of violence were party and public workers. The subjects of the crimes were not only the “kulaks”, but also the persecuted “middle peasants”. The main motive for committing crimes was personal revenge.

К середине 1920-х гг. жизнь черноземной деревни несколько стабилизировалась. Во-первых, правоохранительным органам удалось разгромить подавляющее большинство действовавших на территории Черноземья банд. Во-вторых, отступили ужасающие волны голода. В-третьих, новая экономическая политика позволила несколько оживить хозяйственную жизнь. Впрочем, к концу десятилетия крестьян ждали значительные перемены. В 1928 г. в результате очередного правительственного эксперимента появилась новая территориально-административная единица — Центрально-Черноземная область (ЦЧО). Она включила в себя территории четырех бывших губерний: Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской. Одновременно стартовала очередная кампания по насаждению коммунизма в деревне — в том виде, в котором его понимал И. В. Сталин — в форме коллективизации.

В рамках представленной работы предпринимается попытка анализа взаимосвязи коллективизации и уровня преступлений против личности (убийства, покушения на убийства, причинение вреда здоровью) и имущества (поджоги, убийство используемых в сельском хозяйстве животных). Источниковую базу составили документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве общественно-по-

литической истории Воронежской области, а также материалы периодической печати эпохи коллективизации.

Модернизация советской экономики требовала чудовищных вложений, взять которые Советскому государству было по большому счету неоткуда. Деревня рассматривалась в качестве одного из основных источников индустриализации за счет экспорта зерна. Любое преткновение в процессе ограбления сельского населения рассматривалось Москвой как умышленное стремление к подрыву продовольственной безопасности и вело к самым страшным последствиям для провинившихся должностных лиц. Запугивание сельских должностных лиц за любую оплошность не могло не стать материальной основой бесчисленных «перегибов». Каждая хлебозаготовительная кампания сопровождалась чрезмерным нагнетанием напряженности и социальной дискриминацией. Благодаря масштабным репрессивным мерам и административному нажиму государству удалось добиться решительного перелома и выполнения хлебозаготовок. Это породило иллюзорную уверенность во всеисилии централизации управления и тотального огосударствления аграрного сектора экономики¹.

Первый этап кампании совпал с ростом числа убийств на почве мести советским, партийным и общественным деятелям. Основанием для мести могли служить увольнение с работы по политическим мотивам, лишение избирательных прав, обложение налогом по повышенной ставке, конфискация имущества, социальная дискриминация, нажим с целью вступления в колхоз и т. п. Например, летом 1928 г. в колхозе им. Горького Отоманского сельского совета убили секретаря в качестве мести за взимание повышенного налога и лишение избирательных прав. Впрочем, несмотря на то, что дело как политическое велось ОГПУ, ни чекисты, ни уголовный розыск не торопились передать его в суд².

За июль — октябрь 1928 г. по ЦЧО на политической почве совершено 11 убийств (по другим сведениям 12) и 8 нападений (по другим сведениям 15)³. Сводки правоохранительных органов отмечали в качестве напряженных зон Елецкий, Воронежский, Белгородский и Орловский округа. Попутно в качестве формы индивидуального террора применялись поджоги. Областные власти в качестве причин преступлений видели только злой умысел классовых врагов — т. е. кулачества — против Советской власти⁴, лишь кулуарно обсуждая недопустимость «перегибов» и их последствия. Центральное Черноземье не было одиноко в чудовищном карнавале насилия — за девять месяцев 1929 г. в СССР было зарегистрировано 384 убийства и более 1 400 поджогов, совершенных «классово чуждыми элементами»⁵.

Действия Советской власти сформировали целую категорию людей с неопределенным социальным и экономическим статусом. Любое несогласие с государственной политикой наталкивалось на широкий спектр форм запугивания, дискриминации и преследования. Внешне это выглядело как часть классовой войны, которую государство вынуждено вести в целях защиты малоимущих крестьян от кулачества.

Советские власти испытывали категорическое неприятие любых форм несогласия с проводимой ими политикой. Они использовали широкий спектр методов запугивания. В качестве инструмента создания необходимого политического фона широко использовались газеты, печатавшие материалы о злодеяниях «кулаков» и принятых по отношению к ним мерах. Весной 1929 г. журналисты «Коммуны» сообщали об исключении из школы стараниями люмпен-бедноты дочери мельника

в Тамбовском округе. В ответ мужчина поджег школу. Суд приговорил его к расстрелу⁶. Даже бандиты не всегда удостаивались такой участи, что свидетельствует о бездушии и цинизме сложившейся правоприменительной практики.

Для помощи местным властям в проведении сплошной коллективизации в ЦЧО активно привлекались «двадцатипятипятитысячники». В целях достижения высоких показателей, они усилили давление на людей, в отдельных случаях угрожая применить оружие⁷.

Таким образом, есть несколько причин, провоцировавших крестьян на совершение преступлений в отношении советско-партийных работников:

- социальная дискриминация;
- запугивание и террор;
- отчуждение результатов крестьянского труда под видом изъятия «излишков»;
- провокативное поведение коммунистов, в том числе злоупотребление служебным положением.

По сути, поддержка «бедноты» обозначала не экономическую помощь, а право на грабежи обеспеченных крестьян. Построенная не на предоставлении возможности, а на ненависти социальная политика сформировала групповую виктимность сельского партийного актива. Ее результатом стали сотни убитых и покалеченных людей. Согласно разрозненным сводкам ОГПУ за ноябрь 1928 г. в новообразованной ЦЧО были убиты 6 советских и партийных служащих, 7 подверглись покушению на убийство, еще 4 — избиению. В Курском, Белгородском и Кирсановском округах зарегистрированы поджоги⁸. Жертвами преступных замыслов становились, в первую очередь, председатели и члены сельских советов и районных исполкомов. Убийства, как правило, совершались с применением огнестрельного оружия. В меньшей степени подверглись насилию сотрудники милиции. Милиционеры были вынуждены участвовать в мероприятиях по изъятию хлеба, скота и личного имущества подвергшихся преследованию крестьян. Политизация милиции нанесла существенный репутационный вред ведомству и подвергла дополнительной опасности жизнь и здоровье сотрудников в угоду политическим целям, не имевшим ничего общего с правоохранительной деятельностью.

В отдельных случаях наносился вред домашнему скоту. В ночь на 10 декабря в деревне Репринки Фатежского района Курского округа неизвестные лица зарезали и ошкурили лошадь, принадлежавшую председателю сельской избирательной комиссии. Убийство лошади происходило под окнами активиста и сопровождалось угрозами в его адрес⁹. Двамя месяцами ранее в Льговском округе в ходе обстрела заместителя председателя сельского совета трое пьяных жителей села убили купленную им в тот день телку¹⁰.

Масштабы партизанских движений к 1929 г. оказались настолько высоки, что ОГПУ стало собирать отдельные сводки, посвященные террору в адрес сельских советско-партийных служащих.

Значительная доля конфликтов с крестьянами завершалась сравнительно безобидно — побоями или угрозами. В Курском округе члена комиссии по заготовкам местный житель после наложения на него штрафа избил дубовой палкой¹¹.

В связи с нажимом центральной власти на повышение эффективности сбора продовольственного налога, основной удар террора смещается на работников, связанных с деятельностью хлебозаготовительных комиссий¹². Нажим привел к мас-

совым крестьянским выступлениям. Причем численность участвовавших в них и количество самих выступлений росли¹³.

Самое распространенное правонарушение периода коммунизации — избиение или покушение на убийство. Например, 30 декабря 1930 г. крестьянин Лащилин в Мучкапском районе «намеревался зарубить топором» председателя комиссии мясозаготовок, пришедшего отнять у него корову¹⁴. Людей озлоблял тот факт, что «обобществлением» их имущества занималась вчерашняя нищета. В ход шли любые подручные предметы: от ножей и топоров до вил и оглоблей. Поводом для убийства могла стать активная общественная позиция жертвы, например, выявление спрятанного хлеба или участие в раскулачивании.

Выполнение планов по выкачиванию хлеба сопровождалось сюрреалистичными сценами. 26 июня 1929 г. для взыскания наложенного штрафа в дом сельского жителя Дрожжина в сопровождении двух милиционеров явился председатель с. Васильевка. Завидев их, Дрожжин попытался повеситься, но подоспевшими милиционерами был снят с петли и направлен в Панинский районный административный отдел, где пробыл два дня. Через несколько дней Дрожжин вывез «добровольно» 40 пудов. Выездная сессия Нарсуда 8-го участка приговорила его по ст. 107 УК к 6 месяцам принудительных работ, конфискации имущества на 680 рублей и штрафу в 200 пудов хлеба. В результате у Дрожжина было конфисковано все имущество.

Семью из двух человек, имеющую дом, лошадь, корову и быка обложили произвольным «налогом» в 40 пудов хлеба. В результате семейная пара смогла набрать всего 10 пудов (около 5 мешков). В назидание местные власти вынесли решение о конфискации всего их скудного имущества, оставив людей на произвол судьбы.

В с. Васильевка крестьянам оставляли только по 1 пуду на едока в бедняцких хозяйствах, а в середняцких и кулацких — по 20 фунтов. Хлеб выгребался полностью даже у сирот. У бедняка забрали 5 пудов хлеба, которые он получил из крестьянского комитета как нуждающийся¹⁵. Результатом безумной налоговой практики стали вернувшиеся из небытия Гражданской войны перестрелки с властями.

Разбираясь в социальной базе террористов, власти продолжали возлагать вину за ухудшение криминогенной ситуации на зажиточных крестьян, считая, что терроризм середняков и даже бедняков вызван исключительно «экономической зависимостью от кулачества». В свою очередь, крестьяне определяли экономическую политику властей как возвращение крепостного права¹⁶, а неопределенный статус раскулаченных только подливал масла в огонь. «Переход в конце 1929 г. к „ликвидации кулачества“ затронул практически все социальные группы крестьянства. Тысячи крестьянских хозяйств, среди которых оказались зажиточные, середняцкие и даже бедняцкие, подверглись разорению в ходе частичного или полного „раскулачивания“. Активизация репрессивной политики не только не была обусловлена ни политикой, ни социально-экономической обстановкой того времени, более того, она привела к ее резкому обострению, вызвав массовое антиколхозное и антисоветское движение в деревне»¹⁷.

Бедственное состояние деревни повлияло на попытки вмешательства в ситуацию военных. Беспокорство командиров вызывалось не только альтруизмом. В 1929 — 1930 гг. настроения солдат, комплектовавшихся преимущественно из крестьян, метались от отчаяния к открытой злобе. Ротный военком 18-й стрелковой дивизии в мае 1929 г. сообщал в политотдел о ежедневных письмах из дома красноармейцам, свидетельствовавших о произволе советских властей. Основные пробле-

мы, отраженные в письмах — полное изъятие продовольствия, ставящее людей на грань голодной смерти, шантаж, обыски и грубость, обложение сел непомерными налогами¹⁸. В некоторых письмах домочадцы упрекали солдат за их сытую жизнь в армии. Об аналогичных письмах сообщали политработники 63-го кавалерийского полка I отдельной особой кавалерийской бригады им. Сталина в Кирсановский райком, из которого шло наибольшее количество жалоб. Командование полка, ссылаясь на угнетенное состояние красноармейцев и «нездоровые настроения», неоднократно просило прокурора округа «разобраться в ненормальностях»¹⁹. Об «изжитии недостатков и шероховатостей в работе хлебозаготовительных организаций» просил в своем официальном письме комиссар военной школы специальных служб ВВС РККА Шимоновский. 28 июня 1929 г. он сообщал о неоднократных обращениях к нему красноармейцев, сообщавших о «перегибах» местных властей, оставлявших семьи солдат без хлеба на прокорм. Свое обращение комиссар обновывал «созданием отрицательных настроений в частях»²⁰.

За невыполнение налоговых норм селянам угрожали конфискацией имущества и уголовным преследованием. В одном из писем читаем: «Как таперича быть хлеба до нового не хватит ежли последний подмесь ды отдать или пушай сажают и конфискуют ежли можно там с этим сделаться поговори с командиром чтобы меня не тревожили и потом пришли дикрет постановление ЦИКа этой самой хлебозаготовки неужели Центральная власть такое распоряжение дала»²¹. Полномочное представительство ГПУ по ЦЧО по этому поводу 29 июня подало в обком партии на имя Варейкиса докладную записку «о ненормальностях в работе»²².

В 10-м стрелковом корпусе в июне того же года личный состав демонстрировал открытые антисоветские настроения. Как и в других частях, основанием недовольства служили массовые жалобы из дома на изъятие скота и хлеба²³. Красноармейцы 6-й, 10-й, 19-й, 55-й дивизий критиковали советское руководство, выражали желание дезертировать в случае войны или вовсе «перестрелять всех коммунистов», сравнивали советскую власть с царским режимом (в пользу последнего), угрожали новой революцией и даже обсуждали необходимость вооруженного выступления²⁴. На фоне недовольства хлебозаготовительной политикой советская власть прямо характеризовалась как «грабительская»: «Собрались дормоеды и одно говорят, чтобы я вывез хлеб, выходит так, что хотят разорить мое хозяйство и пустить побираться и воровать, одним словом уничтожить крестьянское хозяйство» (55-я дивизия). Руководство корпуса по этому поводу заключало: «Подобного рода разговоры в данный момент являются массовым явлением в частях, вокруг которых сосредоточено внимание значительно широких крестьянских масс, причем если выше мы отмечали случаи индивидуально выраженные, то наряду с этим наблюдается и увеличение случаев коллективных обсуждений вопроса о хлебозаготовках». Красноармейцы взвода связи 164-го полка 55-й дивизии в числе 4-х человек открыто отказались от посылки в деревню рекомендательных писем бюро ВКП(б) по вопросу о хлебных излишках, сдачи таковых и борьбы с кулачеством. На общем собрании «переменников в артиллерийском полку 19-й дивизии красноармейцы демонстративно выступили против кампании хлебозаготовок»²⁵, «на выступления партийцев и комсомольцев, доказывающих правильность политики Соввласти, отмечались массовые выкрики, после чего отказались голосовать за резолюцию и демонстративно разошлись»²⁶.

Массовым пессимизмом заразились и младшие командиры, считая, что, доказывая благополучие дел в СССР, они «втирают очки красноармейцам». По их мне-

нию, колхозы «делают всех голодранцами», а хлебозаготовки провоцируют голод. Согласно выписке, антисоветские разговоры допускали младшие командиры 55-й дивизии: «Советская власть выматывает у крестьян последнее, как заимел лошадь и корову, так кулак, подкулачник, надо с него налоги брать — дошлепались в ладоши»²⁷. Известны факты, когда командиры не реагировали на антисоветские разговоры личного состава.

4 июля 1929 г. военный прокурор Московского военного округа Орловский в секретном отношении на имя секретаря ЦЧО Варейкиса попросил ускорить рассмотрение сведений, представленных 63-м кавалерийским полком. Было отмечено, что «округа Ц.Ч.О. особенно выделяются по жалобам кр-цев» в связи с нажимом на середняцкие хозяйства. Военным командованием округа были поданы соответствующие жалобы по поводу действий заготовительных комиссий Тамбовскому Окр-прокурору, в Новосильский районный исполком Орловского округа, прокурорам Козловского, Борисоглебского, Острогжского, и Орловского округов²⁸. Военное руководство отнюдь не принимает все утверждения на веру, но считает необходимым проверить представленные сведения об «имущественном положении семей красноармейцев и правильности принятых мер» — отметил Орловский. Однако по целому ряду жалоб, посылаемых на места, никакого ответа не было получено²⁹.

27 декабря 1929 г. И. В. Сталин провозгласил «ликвидацию кулачества как класса»³⁰, дав старт очередной фазе коллективизации. Чрезвычайная напряженность в деревне и социальная дискриминация по имущественному и профессиональному признакам дали о себе знать в виде прогрессирующей преступности, пик которой пришелся на 1929 — 1931 гг. По данным областной прокуратуры, за октябрь 1928 — март 1929 г. в ЦЧО было совершено 8 864 поджога³¹. В первую очередь жгли советских и партийных работников, активистов, административные и иные государственные здания. Несмотря на это, из Москвы следовали указания усилить сбор налогов и борьбу со спекулянтами. Рост напряженности в сельской местности потянул за собой другие виды преступлений: за сентябрь — октябрь 1930 г. по данным уголовного розыска было совершено не менее 104 контрреволюционных преступлений, 33 случая массовых беспорядков, 8 случаев бандитизма, 35 убийств, 430 поджогов, 86 преступлений против представителей советской власти³². По неполным данным летом 1930 г. в СССР зафиксированы 908 поджогов, из них 114 — в ЦЧО. Уничтожению подвергалось имущество работников низового партийно-советского аппарата и оказывающих им содействие активистов. Количество терактов увеличивалось по мере повышения интенсивности кампаний по раскулачиванию, коллективизации и сбора продовольственных налогов. Поджогам подвергалось не только частное, но и государственное имущество: склады с хлебом и кормом для скота, общественные постройки.

Поджог представлял собой самый удобный и малозатратный способ мести. К тому же обеспечивал высокую степень анонимности. Жгли должностных лиц, членов комиссий по хлебозаготовкам, организаторов торгов конфискованного за неплату хлебного имущества, сельских корреспондентов, тех, кто выдавал ставшие им известные схроны с зерном.

Первая значительная волна поджогов, связанных с хлебозаготовками, приходится на 1928 г. и совпадает с началом первой пятилетки. В одном только Козловском округе ЦЧО за первое полугодие 1929 г. зарегистрировано более 600 пожаров³³. Всего за апрель — сентябрь 1929 г. зарегистрировано уже более 10 тыс. поджогов.

Осенне-зимняя налоговая кампания 1929 г. спровоцировала резкое увеличение количества умышленных поджогов. Только в октябре, по нашим подсчетам, совершено не менее 35 поджогов, которые мы можем гарантированно квалифицировать как политические.

Поджогам подвергались промышленные и сельскохозяйственные постройки, помещения с хлебом, корм для скота, частные домовладения. При этом сложно выделить какие-либо наиболее спокойные в этом отношении округа — по обрывочным данным, хранящимся в фонде обкома ВКП(б) ЦЧО, карта поджогов выглядит сравнительно равномерной. Власти не стремились к какой-либо географической систематизации получаемой информации о поджогах и политических убийствах, действуя точно и в ручном режиме. Даже прокурор области признавал, что «сообщения с мест стали поступать неаккуратно и несвоевременно. Особенно отличаются в этом отношении: Курский, Льговский, Орловский, Белгородский округа»³⁴.

Сверхдавление на деревню сохранилось и в начале 1930-х гг. Оно усугубилось продовольственным кризисом и очередным взлетом уровня преступлений против жизни и здоровья, включая убийства детей с целью употребления в пищу.

Таким образом, осуществление эксперимента по коллективизации сельского хозяйства за счет материальных средств зажиточных и так называемых середняцких хозяйств привело в краткосрочной перспективе к прогрессирующей динамике преступлений против личности и имущества, основанных на мотивах мести. В отличие от периода Гражданской войны, где были затронуты интересы всех категорий сельского населения, в период коллективизации борьба с местной властью осуществлялась преимущественно представителями сравнительно обеспеченных крестьян.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Мозохин О. Б.** Основные направления деятельности ОГПУ—НКВД в сельском хозяйстве СССР в 1920-е — 1930-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4. С. 36.

² ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 124. Л. 8.

³ Там же. Л. 12 — 12 об.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ **Фицпатрик Ш.** Сталинские крестьяне : Соц. история Совет. России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 54.

⁶ См.: За поджог школы — к расстрелу // Коммуна. 1929. № 109 (2848). 17 мая. С. 3.

⁷ См.: **Загоровский П. В.** Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998. С. 17.

⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 2 — 11.

⁹ Там же. Л. 62.

¹⁰ Там же. Д. 508. Л. 45.

¹¹ Там же. Л. 138.

¹² Там же. Д. 507. Л. 9.

¹³ См.: **Юрчёнков В. А.** Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // Центр и периферия. [Саранск], 2011. № 1. С. 89 ; **Сухова О. А., Ягов О. В.** Политика коллективизации в оценках массового сознания 1930 — 1950-х гг.: динамика представлений // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 4. С. 65 — 73.

¹⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 977. Л. 9.

¹⁵ Там же. Д. 508. Л. 10 об.

¹⁶ См.: **Загоровский П. В.** Социально-политическая история Центрально-Черноземной области : 1928 — 1934. Воронеж, 1995. С. 39.

¹⁷ **Надькин Т. Д.** Коллективизация сельского хозяйства национальных регионов России: замыслы и реальность (на примере Мордовии) // Центр и периферия. [Саранск]. 2013. № 1. С. 51.

¹⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 507. Л. 33.

¹⁹ Там же. Л. 36.

²⁰ Там же. Л. 39.

²¹ Там же. Л. 44.

²² Там же. Л. 45.

²³ Там же. Л. 87.

²⁴ Там же. Л. 88.

²⁵ Там же. Л. 90.

²⁶ Там же. Л. 91.

²⁷ Там же. Л. 93.

²⁸ Там же. Л. 48.

²⁹ Там же. Л. 49.

³⁰ **Сталин И. В.** К вопросам аграрной политики в СССР // И. В. Сталин. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 166.

³¹ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 507. Л. 50.

³² Там же. Д. 979. Л. 14.

³³ Там же. Д. 510. Л. 20.

³⁴ Там же. Д. 507. Л. 54.

Поступила 11.05.2022 г.

УДК 351.862.216.2(470.54)»1934/1938»

Е. Н. Гарин, А. Н. Баёв, Т. И. Французова

E. N. Garin, A. N. Baev, T. I. Frantsuzova

ОБОРОННО-МАССОВАЯ РАБОТА С НАСЕЛЕНИЕМ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1934 — 1938 гг.

MASS DEFENSE WORK WITH THE POPULATION OF THE SVERDLOVSK REGION IN 1934 — 1938

Ключевые слова: оборонная работа, Осоавиахим, значки «Готов к труду и обороне» и «Ворошиловский стрелок», ворошиловская оборонная эстафета, стрелковые кружки.

В статье рассмотрены основные мероприятия оборонно-массовой работы с населением Свердловской области в 1934 — 1938 гг., деятельность районных оборонных организаций по его подготовке к сдаче нормативов ГТО, образованию и развитию стрелковых и химических кружков, кружков ПВО, оборонных бригад. Проведен анализ работы по организации мероприятий ворошиловской эстафеты и вовлечению новых членов первичных оборонных организаций.

Key words: defense work, Osoaviakhim, badges “Ready for Labor and Defense” and “Voroshilov Shooter”, Voroshilov relay race, shooting clubs.

The article discusses the main activities of mass defense work with the population of the Sverdlovsk Region in 1934 — 1938, the activities of regional defense organizations to prepare them to pass GTO norms, the formation and development of rifle and chemical clubs, air defense clubs, defense brigades. The analysis of the work on the organization of events of the Voroshilov relay race and the involvement of new members of primary defense organizations is made as well.

Оборонно-массовая работа является важной составной частью подготовки молодежи к военной службе. Морально и физически подготовленные будущие воен-